

Такім чынам, адбор пэўных тыпаў абрэвіатур павінен праводзіцца ў аспекце лінгвістычнай нормы. Тэа скарачэнні, якія не ўпісваюцца ў сістэму мовы, не адпавядаюць моўным стандартам, не павінны фіксавацца ў слоўніках, а праходзіць апрацацыю ў даведачных дапаможніках. Найбольшую лексікаграфічную цікавасць уяўляюць абрэвіатуры, якія маюць сістэмны мадэльны характар.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларуская мова : энцыклапедыя / БелЭН ; пад рэд. А. Я. Міхневіча ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1994. – 655 с.
2. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. ; навук. рэд. А. А. Лукашанец. Ч. 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – 351 с.
3. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. – Мінск : Нац. Цэнтр прававой інфарм. Респ. Беларусь, 2008. – 144 с.
4. Сцяцко, П. У. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, П. А. Антанюк. – Мінск : Выш. шк., 1990. – 222 с.

Пятчэков Ю. С. (Мінск, Беларусь)

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ АРХИТЕКТОНИКА ТАЙНЫ В ПОЭТИКО-МЕДИТАТИВНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА И Э. ДИКНСОН

Есть мировые учения, пускай даже и оккультно-роковые, какие всегда привлекали внимание. Хотя бы возможностью знакомства со священными первоисточниками, их представляющими. Первая, весьма содержательная часть Книги Книг – Библии: Ветхий Завет – не может не впечатлять множеством пророчеств, ярких образов, сочностью своеобразного языка и книгами, ставшими основой от того, что они легли в основу множества литературных, музыкальных, живописных, скульптурных, архитектурных творений. Мы имеем в виду общепризнанное, что никак не значит: понятие – любимую поэтами Книгу Иова, Книгу Пророка Исайи (Иешайаху), Книгу Пророка Иезекииля, Книгу Притчей Соломоновых, Книгу Екклесиаста, Книгу Песни Песней Соломона (Шломо). И это только один из пророчей постижения святости указанных текстов. Есть ещё один: тайный, доступный лишь священным в тайны боговдохновенных книг, в тайны таинств во имя единения с Богом, в тайны самого Бога. Среди таких тайных учений как раз и находится каббалистическое. Оно развило идею символического Древа Жизни, связав его с осязательными структурами, десятью атрибутами (сфирот, т.е. сфер или шаров) с сапфиром (сапфиром), излучающим необычайную силу. А именно с Божественными эманациями (по гностицистской терминологии – зонами) света, энергии, чистоты. И этот цветущий образ иерархизированной Вселенной в миниатюре продолжал занимать многих поэтов-медитативистов: Ф. Н. Глинку, Ф. П. Ключарева, Е. А. Боратынского, Д. В. Веневитинова, М. Ю. Лермонтова, У. Блейка, Дж. Г. Байрона, Г. Гейне, А. де Ламартина. В том числе и Ф. И. Тютчева с Э. Дикнсон.

Исследователи М. Н. Эпштейн, Ю. Н. Тынянов, А. Э. Полонский и другие уже отмечали: даже в поэтических медитациях Ф. И. Тютчев-гейнелюб¹, временами пантеист (спинозист) или даже натурфилософ, временами незаурядный верующий, временами эллинист, говорит не о природе. Вернее, не только о ней одной. Но одними

¹ Генрих Гейне (1797–1856) как немецкий представитель «романтической школы» вернул необычайный поэтико-философский интерес к видным представителям многострадального еврейского народа, бывшего для него самого родным: к автору книги «Кузари» Иегуде Галеви и к интерпретатору Пятикнижия Моисееву Маймониду (Рамбаму).

лишь образными средствами исследует проблему Бытия в его нерасторжимом единстве с ней. В этом смысле «поэт мысли» и «мудрец» (по К. Д. Бальмонту) возвращает своего читателя к уже утраченным смыслам: сакральным. Не исключение в тютчевских смыслах и ветхозаветные (мистико-поэтические) аллюзии. И они занимательны, ведь не единственны у него. Но, сталкиваясь с иными смыслами, у Ф. И. Тютчева образуют ту поэтико-медитативную и поэтико-философскую нерасторжимо связную концепцию, уловленную в нём в итоге поэтами-символистами. Значительный такой смысловой слой у Ф. И. Тютчева образует ветхозаветный, библейский слой, с одной стороны, и каббалистический, тайно-символический, с другой. Связь тютчевских суждений с ветхозаветными книгами весьма часто нерасторжима. Одна из книг – с Книгой проповедника Екклесиаста – самая прозрачная. Другая, с рядом книг из Пятикнижия Моисеева, а также с книгами некоторых из пророков и учительных книг. Как верующий человек, Ф. И. Тютчев, к тому же ещё и всыкательно любопытный мыслитель-пантеист, интересовался не только Библией как Книгой Книг, но и священными христианскими текстами: от католических и протестантских до их иудейских интерпретаций.

Проблему сложного отношения Бога к своему творению русский «поэт мысли» часто осознаёт на разные лады. Так что, рассуждая на сей счёт и подчас попутно противореча самому же себе, порой раздираемый сомнениями, Ф. И. Тютчев одновременно решает проблемы посильности для человека посылаемых Богом страданий, проблему самого Бога и сложнейшего отношения человека к Нему. Если бы только эти проблемы. В поисках ключа к пониманию самой «тайны человека», иногда намеренно отходящего от Бога, поэт-медитативист отсылает нас к общеполософской, религиозно-этической и религиозно-философской традиции. Например, заявляя законной жене, с какой позднее примирился: «Всё отнял у меня казнящий бог: / Здоровье, силу воли, воздух, сон, / Одну тебя при мне оставил он, / Чтоб я ему ещё молиться мог» [5, с. 223], Ф. И. Тютчев, на наш взгляд, бьётся над сложностью бытия, выраженном в непростых отношениях Бога со своим творением и самого сотворённого человека, «венца творения», с Богом. Такой интерпретационный ключ, как нам видится, найдём в ветхозаветной Книге о многострадальном Иове, ещё ранее принятом И. В. фон Гете и далее развитом Ф. И. Тютчевым: «...И сказал Господь сатане: обратил ли ты внимание твоё на раба Моего Иова? Ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла, и доселе твёрд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его безвинно. И отвечал сатана Господу, и сказал: кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек всё, что есть у него; Но прости руку Твою и коснись кости его и плоти его – благословит ли он Тебя? И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги...» [2, с. 539; Иов, 2:2–6]. «Только душу его сбереги». И это ты, какую сам Ф. И. Тютчев назовёт то «жилицей двух миров», то «болезненно-греховной», то «вещей». Вот ещё тютчевское поэтико-медитативное решение, прямо вытекающее из Книги Иова: «...Мы в небе скоро устаём, / И не дано ничтожной пыли / Дышать божественным огнём...» [5, с. 24–25] («Проблеск»). И оно такое не единственное. Вот ещё одно, сплошь усыпанное тютчевскими образами-символами и мотивами, обретающими священный смысл в ветхозаветном зеркале отражения каббалистических истин: «Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный, / Объятый негой ночи голубой! / Сквозь яблоню, цветами убелённой, / Как сладко светит месяц золотой! / Тайнственно, как в первый день создания, / В бездонном небе звёздный сонм горит, / Музыки дальней слышны восклицанья, / Соседний ключ слышнее говорит... / На мир дневной спустилась завеса, / Изнемогло движенье, труд уснул... / Над спящим градом, как в вершинах леса, / Проснулся чудный еженощный гул... / Откуда он, сей гул непостижимый?.. / Иль

смертных дум, освобождённых сном, / Мир бестелесный, слышный, но незримый, / Теперь роится в хаосе ночном?...» [5, с. 97] (1835).

Так, образы «сна», «тёмно-зелёного сада», «кочи голубой» (не чёрной), яблонь с «белыми цветами», «сладкого света», «золотого месяца», «спящего града, как в вершинах леса» уподобляются грандиозной тайне (тайнству) «первого дня создания», живописно представленном «сонмом звёзд» на «бездонном небе». С одной стороны, очевидная тютчевская оппозиция земли и неба. Слышны «музыка дальная», «соседний ключ», «спустилась завеса», как в театре: представление разве что начинается ночью. И это со второй стороны. А в то же время, когда «труд уснул», проснулся «еженощный гул», и «смертных дум» «слышный мир» роет царит в «хаосе ночном». Система одних лишь образов, от библейских переходящих в античные, создаёт перед нами живую картину у самого творения, как её понимает поэт-медитативист. То есть всё описываемое предстаёт как «негой объятый» процесс, разворачиваемый во времени.

Не менее интересны и акценты, расставленные в решении этой же проблемы Эмили Дикинсон: «Две меры суткам есть: / Одна – что на часах, / Другая – что внушает нам / Надежды или страх. / Нам вечность сообщит / Покой или движенье – / Закон в вечных бытия / Прямое выраженье. / Смерть вовсе не уход – / На созданной судьбой / Ландкарте¹ новых нет границ / Останься сам собой» [3]. Или: «...Часы отменяли Времени бег, / Ночь возвещали Колокола, / Но здесь Века отменили навек – / Здесь Эпоха – спала» [3]. Дикинсоновские акценты расставлены на ощущении меры Времени, противопоставляемого Вечности. Но также слышна ночь, только колоколами, когда века «отменены», а эпоха «спит». Комментируя описание первых Дней Творения в ветхозаветной книге «Бытие» (в иудейской Торе – Пятикнижии Моисеевом), основатель Международной Академии Каббалы Михаэль Лайтман, земляк Марка Шагала и Лазаря Лагина, отмечает: «...Изначально творение, ощущающее Творца (наполненное Светом), не является самостоятельным: оно полностью подавлено Светом. Свет диктует творению свои условия, передаёт ему свои свойства. Для создания самостоятельного, независимого от Себя творения, Творец должен полностью отдалиться от творения. Другими словами, творение, освобождаясь от света, становится самостоятельным в своих действиях. Это действие – изгнание света из духовного сосуда (кли) – называется Сокращением. Тора начинается со слов «Вначале» (Берешит) сотворил Бог небо и землю» – с начала процесса отдаления творения от Творца. Само слово «Берешит» происходит от слова «бар» – вне, т.е. повествует о выходе из Творца в отдельное состояние, между небом и землёй. «Вначале сотворил Бог небо и землю». Небо – сфера Бина (Ум) с её альтруистическими свойствами. Земля – сфера Малхут (Царство) с её земными, эгоистическими свойствами. Между этими двумя полярными свойствами, на основе которых действует вся система мироздания, в подвешенном состоянии находится душа человека. Тора начинается с рождения, Высшего мира и сотворения человека, души-Адама, но не с окончания творения. Назначение Торы в том, чтобы дать нам в этом мире инструкцию, каким образом мы можем подняться к самому наилучшему, совершенному состоянию...» [4].

«Амхерстская отшельница» Э. Э. Дикинсон, будучи странной новоанглийской пуританкой, куда чаще Ф. И. Тютчева, русского православного, обыгрывает ветхозаветные мысли, эпизоды, образы. О Боге у Э. Э. Дикинсон и особой дикинсоновской религиозности уже писали В. М. Финкель, Т. Д. Венедиктова, О. И. Гутар и др. Но стоит вспомнить при этом, что сама «поэтесса и затворница», как её ёмко определил Андре Моруа, признавалась своему «первооткрывателю» Т. У. Хиггинсону: «...Все

¹ Ландкарта – географическая карта.

в моей семье религиозны – кроме меня – и каждое утро молятся Затмению – именуя его своим «Отцом». Но боюсь, вам наскучит моя повесть – я хотела бы учиться. Можете ли вы сказать мне – как растут в Вышину – или это нечто не передаваемое словами – как Мелодия или Волшебство?» [3, с. 127]. Укорененность американской поэтессы в мистико-поэтической архитектонике тайны Бога и его Света, Энергии, Чистоты при этом куда более значительная, чем у Ф. И. Тютчева. Поэтому её непрестанные раздумья над судьбами еврейских деятелей (праотцами, пророками, царями) вовсе не прекращаются. Из медитации в медитацию общение с Богом в его чертогах у неё становится всё сокровенней, но и оттого чем более она хочет понять Его, тем более, прямо или косвенно, цитирует Слово Божие. В равной степени, как Ф. И. Тютчева, так и Эмили Дикинсон, интересуется природа Времени, которого, согласно вероучению, не существует для «всемилосердного» Бога. «...пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошёл, и как стража в ночи... они, как сон, как трава, которая утром вырастает, утром цветёт и зеленеет, вечером подсекается и засыхает...» [2, с. 612; Псал. 89, 5–6].

При этом в зеркале прочтения каббалистических смыслов у обоих поэтов особенно показательным становится образно-символическое и проблемное сопоставление с волнующими истинами проповедника Екклесиаста. Екклесиаст, т.е. ораторствующий перед публикой, вторит сыну своему Давиду, автору псалмов. И говорит, что «человек не знает своего времени... Сыны человеческие увольются в белдневное время, когда оно неожиданно находит на них» [2, с. 672–673; Екклес., 9:12]. Священная истина «Всему своё время, и время всякой вещи под небом» исследуется поэтами-медитативистами чаще остальных. Собственно самая общеизвестная сакральная сентенция «Суета сует – всё суета!», с троекратной акцентуацией на проблеме суетности жизни, разбивается у них о ряд оригинальных метафизических выводов. Поскольку именно за разрешение метафизических проблем берутся оба поэта-медитативиста, то именно в свете ветхозаветных и каббалистических толкований их логика мысли особенно проясняется. У самой же «белой монахини», запросто созерцающей Бытие Духа, такого рода соответствия куда более очевидные, но отчасти зашифрованные, вполне в дикинсоновском духе. Потому что, чаще обычного обыгрывая одно и то же, Э. Э. Дикинсон, тяготеющая к барочной образности английского метафизика Джона Донна, часто делает разные выводы или же не делает их вовсе. Вот отчего так важно рассматривать дикинсоновские суждения в комплексе, как и тютчевские. Белая случается, решая одну проблему или пограничную с ней, она тут же противоречит самой себе. Например: «Никто не видел ужас тот / И не был впушен в дом, / Хотел самой сутью человек / К его жилью влеком. / Всё ничего, пока туда, / Обратно – страшен путь. / Познания вцепится рука, / И жизни не вздохнуть. / Дух – поведёт – в один конец, / А после сам не рад – / Уже другой заботы нет, / Как воздух в груди набрать. / Лицо, что видел Моисей, / Сумевший уцелеть, / Есть убеждение во мне, / То самое и есть» [3]. И ещё: «Кто-то в Субботу в церковь идёт / Я дома Субботе рада – / Мы с певчим-щеглом соблюдаем её / Вместе под сводами сада / Кто-то стихарь¹ надевает, а я / Крылья ношу по Субботам. / И вместо того, чтобы в колокол бить, / Маленький клирик поёт нам. / Проповедь пастора – Бога звучит – / Крайняя и простая – / И наконец-то я ухожу, / Пути к Небесам не зная» [3]. Снимая «тонкие плёнки смыслов» Э. Э. Дикинсон, по терминологии французского структуралиста Ролана Барта, налицо чисто метафизические термины «ужаса», «дома», «руки познания», «духа-поводыря», «воздуха» и «Субботы», «сводов сада», «крыльев по Субботам», «колокола», «пропо-

¹ Стихарь – длинная одежда, богослужбное облачение с широкими рукавами у дьяконов и дьячков.

веди пастора-Бога», «Пути к Небесам». Дикинсоновские смысловые соответствия с каббалистическими нюансами смыслов, до сих пор не менее тёмные, просвечиваются в данном контексте особо. Американская поэтесса, как мы уже обращали внимание, в отличие от Ф. И. Тютчева, исследует чертоги Бога, Духа и воздуха в них изнутри, как свидетель, сопричастный Божественным деяниям. Тютчев тоже познаёт всё, как свидетель, но извне. Даже терминологически «амхерстская отшельница» тождественна ветхозаветным в зеркале каббалистических интерпретаций истинам.

Исследователь М. Абрамович отмечает: «И дух Божий витал над водою» – ещё одна загадка. Руах – слово, записанное в Торе, традиционно толкуется как дух Бога и как воздух... Значение слова «руах», записанного в Торе, не ограничивается смыслом дух и воздух... Ес. и это воздух, то в состоянии первоэлемента он просто не мог ещё «витать», он ещё представлял собой объект... Слово «руах» ещё имеет значения «смысл» и «сушность»... Мы установили, что к этому моменту произошёл качественный переход от сущности Бога как Эйн-соф – бесконечность, к сущности Элохим – Творец. Эволюция вселенной началась с контакта творящей сущности Бога с тем, что Тора называет земным, находящимся ещё в хаотическом состоянии...» [1].

Таким образом, на образно-символическом уровне интерпретации тютчевских и дикинсоновских поэтических медитаций действует каббалистический (мистико-поэтический) слой оригинальных разрешений иудейских проблем. Это несложно доказать, если сопоставить отдельно взятые медитации Ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон с ветхозаветными видениями, данными в каббалистическом свете. Мы убедились, что такие поэтико-философские проблемы, как проблема творения, проблема Бога как Света, Энергии и Чистоты, проблема единения (единства) с Богом, проблема созерцания «Божьего лика», проблема Бездны (тютчевская «безымянная бездна», «ужасная бездна», «пылающая бездна», «роковая бездна» и дикинсоновская «бездна безымянная») требуют весьма сложного инструментария для интерпретационного анализа. Один из них – каббалистическая архитектоника тайны у поэтов-медитативистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович, М. Семь дней Творения [Электронный ресурс] / М. Абрамович. – Режим доступа: www.bookorbita.com. – Дата доступа: 19.09.2018.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2001. – 1431 с.
3. Дикинсон, Э. Письмо Миру; пер. с англ. / Э. Дикинсон. – М.: Эксмо, 2013. – 384 с.
4. Лайтман, М. Семь дней Творения. Международная Академия Каббалы [Электронный ресурс] / М. Лайтман. – Режим доступа: <https://religion.wikireading.ru>. – Дата доступа: 19.09.2018.
5. Тютчев, Ф. И. Лирика / Ф. И. Тютчев. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.

*Розілевіч А. М. (Мінск, Беларусь)
Наук. кіраўн. – Н. П. Лобань, канд. філалаг. навук, дац.*

КЛАСІФІКАЦЫЯ КАНАТОНІМАЎ УЗ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНЫМ КАМΠΑНАМЕНТАМ

Агульнавядома, што мовы свету адрозніваюцца не толькі граматыкай і лексікалогіяй, але і нацыянальна-культурнай спецыфікай, у тым ліку і анамастыкай. Уласныя імёны, што валодаюць «складанай энсавай структурай, унікальнымі асаблівасцямі формы і этымалогіяй, здольнасцямі да змянення і словаўтварэння, шматлікімі сувязямі з іншымі адзінкамі і катэгорыямі мовы» [1, с. 3], з'яўляюцца крыніцай інфармацыі не толькі пра чалавека, эпоху, у якой ён жыў, але і пра народ у цэлым. Пры апісанні кана-